

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Исторический текст и реальность прошлого

Поддерезин Григорий Андреевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: podder@mail.ru

Вопрос о возможности соотнесения/сопоставления таких разнородных (в онтологическом ракурсе) инстанций, как текст и реальность, находится в ряду ключевых вопросов современной философии. Одну из специфических областей этого проблемного поля образуют вопросы о наличии (или отсутствии) связи между историческим текстом и реальностью прошлого, а также о характере этой связи (если таковая имеется). Такая специализация исходной проблематики интересна тем, что в ней в крайне жесткой, выпуклой форме предстают все сомнительные моменты отношений текста и «фактов».

Нарративная философия истории (Х.Уайт, Ф.Р.Анкерсмит) показала, что исторический текст (как в наибольшей степени претендующий на реализм, на научность) развивается по своим собственным, внутренним законам. Правдоподобность описания более не может быть достоверным свидетельством существования описываемого в какой-либо иной, внеположенной тексту форме. Вся история, от начала и до конца, теперь обретает свое место только в языке. «Достоверность», характерная черта исторического дискурса, переосмысливается как результат действия имманентных тексту механизмов; нарратив теряет непосредственную привязку к состояниям вещей. «Реальность», связь которой с текстом ранее мыслилась нерушимой, теперь уступает место сугубо текстуальной (и самостоятельной) его имитации – «эффекту реальности». В связи с этим происходит реконцептуализация «исторического факта»; он растворяется (перерождаясь в нечто иное, меняя свою природу) в семиотическом пространстве повествования, становится его частью, функциональной единицей. Возможность верификации таких «фактов» становится сомнительной и в другом аспекте. История – это повествование о том, чего уже нет, о том, что не может более наблюдаться «эмпирически». Следовательно, сугубо «научная» редукция к «наблюдаемому» оказывается невозможной.

Подобно памятникам минувших событий, исторический нарратив обретает свою ценность и исключительные свойства только в желании прикоснуться к далекому прошлому. Он отсылает к чему-то, что давно ушло; эта отсылка к «прошлому» имеет не референциальную, а чисто символическую природу (не подлинность реликвии укрепляет веру, но вера дает реликвии подлинность). Проблема референции упирается в ключевую характеристику любого текста – и не только исторического – в то, что можно назвать «избирательностью». Во-первых, это та избирательность, которая напрямую зависит от тропологической установки. Она выявляется как на уровне высказывания (как говорить? о чем говорить?), так и на уровне всего текста в целом – как филологического единства (руководствуясь некоторым условным критерием «важности», «значимости»). Как раз этот уровень текста в целом (вслед за эмпирической ненаблюдаемостью факта истории) ставит под сомнение надежды на референцию. Референция – операция безликая, лишенная какой-либо ценностной окраски. В текст же включается не абстрактное «все», а определенная «выборка» (ситуация, неизбежная для любого текста, а не только

посвященного исторической тематике). Это наводит на мысль о том, что не состояния вещей предшествуют наличному тексту, а некое заданное в качестве первоначального акта смысловое поле (никак не специфицированное по аксиологическим критериям повествование оказывается не только беспредметным и хаотичным набором высказываний, но также превращается в бесконечный их список; в этой ситуации повествование как связанное единство оказывается невозможным). Оно определяет тип дискурсивной «телеологии», вводящей критерии «значимого» (о котором идет повествование или которое ненавязчивым, но о крайне важном фоном окаймляет его), и «незначимого» (которое остается в тени, не упоминается в тексте). В этом ракурсе история не может претендовать на некое качественное отличие от иных видов художественного повествования (разве что рядом дополнительных текстовых функций, а также сильным взаимным влиянием идеологии и общей жесткостью нормативных решеток дискурса). Тип текста определяется исходя из специфики внутренних механизмов, без обращения к внешнему. Если история повествует о том, чего *уже нет*, так, например, фантастика повествует о том, чего *еще не нет*. Различие, видимо, только в векторе (с позиций эмпирической науки, если не затрагивать ценностных отношений). Сам факт говорения указывает как на возможность того, о чем идет речь, так и на незаконность всяких его претензий на что-то большее, нежели правдоподобие.

Зачем вообще нужна история, раз она «лжет», как и любое другое вымышленное повествование? Перефразируя Мамардашвили, можно сказать, что история (как и философия) – это то, что позволяет нам испытать, прочувствовать те формы опыта, которые мы не могли бы ощутить без нее. Например, чувство национальной идентичности, которое определяется ощущением родной земли и людей, живущих на ее территории, или чувство гордости за прошлое, причастность к которому опосредована, – но самым ощутимым образом спроецирована на текущее поле опыта. Историю мы воспринимаем только исходя из нашего собственного жизненного мира, – но наш жизненный мир не в последнюю очередь определяется историей, которая распространяет краткость отпущенной нам жизни далеко в прошлое и будущее, укореняя ее в вечности.

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003.
2. Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 427–441.
3. Барт Р. Эффект реальности // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 392–400.
4. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990.
5. Уайт Х. Метаистория. Екатеринбург, 2001.